

С.Н. ПУШКИН, доктор философских наук, профессор, НГПУ им. К. Минина, e-mail: spushkin1949@mail.ru

РОССИЙСКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КОНСЕРВАТИВНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

S.N. Pushkin

RUSSIAN AUTOCRACY IN THE WORKS OF RUSSIAN CONSERVATIVE THINKERS

В статье рассматривается эволюция взглядов на самодержавие, сформировавшихся в славянофильско-евразийском направлении. При этом для возникших в середине XIX в. славянофилов государству в России предпочтительней быть монархией. Развивавшие же многие славянофильские идеи после 1917 г. в европейской эмиграции представители евразийского движения убеждены, что в постреволюционной России социальные и идейные основы самодержавия разрушены. И российскому государству следует искать новую, более для себя приемлемую форму правления.

Ключевые слова: самодержавие, монархия, русский народ, Россия, Евразия, славянофилы, евразийцы, государство, форма правления.

In the article there is considered the evolution of views on autocracy formed in the Slavophile and Eurasian school. Therewith, the appeared in the mid XIX century Slavophiles think that a state in Russia is preferable to be a monarchy. Developing certainly many Slavophile ideas after 1917 in the European emigration, the representatives of the Eurasian movement are sure that in the postrevolutionary Russia the social and ideological backgrounds of autocracy have been ruined. And the Russian state should search for a new, their best, form of government.

Keywords: autocracy, monarchy, the Russian people, Russia, Eurasia, Slavophiles, Eurasians, state, form of government.

В России завершаются торжества, посвященные 400-летию императорского дома. Приуроченные к воцарению М.Ф. Романова в июне 1613 г. праздничные мероприятия прошли во многих городах РФ. Так, например, в Нижнем Новгороде еще за три года до начала основных торжеств состоялась презентация обширнейшей фотовыставки «Романовы. К 400-летию служения России». В последующие годы и в стране, и за ее пределами был организован целый ряд выставок, так или иначе посвященный правящей династии. Впечатляет и массовое проведение конференций, на которых не только широко обсуждались всевозможные аспекты жизнедеятельности царской семьи, но и рассматривались различного рода проблемы, связанные с российским самодержавием, отношение к которому в России всегда было неоднозначным. В том числе и в творчестве мыслителей славянофильско-евразийского направления, чьи идеи в настоящее время вновь становятся актуальными. Их знания русского народа позволяют нам лучше понять не только наше прошлое, но и настоящее.

Русский народ, по словам славянофилов (А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина), всегда был народом «негосударственным». Но только главенствуя над государством, он способен и обеспечить, и признать его законность. Будучи источником власти, народ легко может отказаться от нее, передав ее царю. В результате, один из основоположников славянофильства заявляет, что «отношения Царя и народа определяются: Правительству — сила власти, Земле — сила мнения» [1, с.150]. Таким образом, славянофилы убеждены, что самодержавие в России согласуется с самым широким народным представительством при условии, что и народ, и самодержавие в полной мере будут пользоваться

своими правами. Только в этом случае сила самодержавной власти обретет право действовать в пользу своего народа, а сила народного мнения сможет служить самодержавию.

Государству – этому хотя и неизбежному, но необходимому, по мнению славянофильских мыслителей, злу предпочтительнее всего быть монархией. «Самодержавие, – определяет славянофильскую позицию В.И. Керимов, – наименьшее из зол, ибо освобождает народ от «мерзости» политики» [6, с. 27]. А поэтому основывающееся не на «праве», а на «бреме» власти самодержавие в России опирается отнюдь не насилие над волей народа, а на органическое выражение этой воли. Основываясь на подобного рода идеях, славянофилы утверждали, что русский народ ни при каких обстоятельствах не изменял монархии. «Если и были смуты, – вспоминает, например, К.С. Аксаков, – то они состояли в вопросе о личной законности государя... Но никогда не раздавался голос в народе: не надо нам монархии, не надо нам самодержавия, не надо царя» [1, с. 12]. Однако далеко не все из славянофилов полагали самодержавие единственно возможной, единственно приемлемой формой правления в России.

Особенно активно против этого высказывался Ю.Ф. Самарин, постоянно возвращающийся к идее о том, что мировая история не знает какой-то единственной (истинной и идеальной) формы правления. Ибо все они, так или иначе, зависят от конкретно-исторических обстоятельств. Именно в этой связи он, как и многие другие славянофилы, полагал самодержавие лишь лучшей формой правления для России середины XIX века. Утверждая, что оно вполне совместимо с необходимыми для русского народа свободами, Ю.Ф. Самарин указывал, что «далеко еще не наступило для России время думать об изменении существующей формы правления...самодержавная власть...никогда не была так сильна нравственно как теперь» [9, с. 4]. В конечном итоге славянофилы приходят к выводу, что монархия имеет чрезвычайно прочную и широкую поддержку всех классов и сословий российского общества. Какие-либо ограничения ее в виде, например, конституции России пока не нужны.

Однако, несмотря на то, что славянофильские мыслители и были убеждены, что без самодержавия русский народ, крайне негативно относящийся к политической власти, существовать не может, они, тем не менее, отнюдь не безоговорочные сторонники исторического самодержавия. Славянофильская критика негативных сторон российского абсолютизма порождает в адрес мыслителей целый ряд репрессивных мер. Ю.Ф. Самарин был даже заключен в Петропавловскую крепость, а затем сослан в Симбирск. Закрывались газеты и журналы, где славянофилам удавалось публиковать свои работы. Им не только затруднялся выезд за границу, но и запрещалось ношение русской одежды, воспринимавшееся как политический вызов. «Правительство, – возмущался издатель сочинений Ю.Ф. Самарина, – совершенно ошибочно смотрело на славянофилов как на общество политическое и следило за всеми членами этого кружка» [10, с. XXVI]. Между тем славянофилы весьма активно распространяли идеи не классового, а надклассового характера самодержавия, формирующиеся, по их мнению, в рамках не только народных, но и православных ограничений. Неудивительно, что они постоянно внушали, что не человековластие, а боговластие определяет в России форму правления.

В этой связи для них неприемлема ни абсолютная, ни конституционная монархия, но только монархия православная. Стремясь во всем быть «защитниками самодержавия и православия», славянофильские мыслители внушали, что избранному народом на царство русскому монарху необходимо доверять управление русской, но никак не вселенской православной церковью. Таким образом, самодержавное государство у славянофилов в значительной мере лишено сакрального обоснования. Их явно не устраивало, что государственная сфера жизни, неизбежно привлекая народ к участию в решении проблем политических, так или иначе, отрывала от религиозно-духовной жизни. Данные идеи получили продолжение в работах неославянофила Н.Я. Данилевского, жившего уже не в первой, а во второй половине XIX века.

Важную роль в формировании стабильного характера политического устройства России он также отводил самодержавию, которое, по его словам, есть «живое осуществление политического самосознания и воли народной». Именно самодержавие, по Н.Я. Данилевскому, способствовало укреплению Российского государства. Следовательно, заключал он, его нельзя «считать формой правления в обыкновенном, придаваемом слову «форма», смысле, по которому она есть нечто внешнее, могущее быть изменено без изменения сущности предмета» [4, с. 390]. Будучи «монархистом, считавшим самодержавие единственно возможной формой государственного устройства России», Н.Я. Данилевский, указывает С.А. Вайгачев, рассматривал эту форму как «данность всей русской истории», сформированной «коренным народным политическим воззрением» [3, с. 566]. При этом у мыслителя также можно встретить и достаточно резкие высказывания в адрес исторической самодержавной власти, пренебрегающей интересами русского народа.

Развивая славянофильские взгляды на отечественную государственность, К.Н. Леонтьев подвергает их существенному пересмотру. Так, например, он значительно более положительно оценивает деятельность Петра I. В нем он видит уже главным образом не разрушителя самодержавного Российского государства, заразившего его болезнью, название которой Н.Я. Данилевский определял как «европейничание», а мудрого государственного деятеля, основателя Российской империи. Однако то, с сожалением подытоживал К.Н. Леонтьев, что Петр I создавал, Николай I был уже вынужден защищать. Одобряя их государственную политику, мыслитель весьма одобрительно относился к славянофильским идеям о наделении крестьян землей. Обосновывая необходимость и важность охранительного общинного начала, он подчеркивал: в России поземельная община самым тесным образом связана с самодержавной формой правления.

К.Н. Леонтьев постоянно повторял, что самодержавие без прочной сословной организации долго существовать не может. Для самодержавного государства «неравноправность людей и классов» важна чрезвычайно. Оно не может «прямо и непосредственно» опираться на «простонародные толпы», на народные массы. Разрушение сословного деления ведет, по Леонтьеву, к разложению государства. А поэтому он просил ни в коем случае не лишать простой народ ограничений и уз, воспитывающих в нем смирение и покорность. Ведь это они сделали его великим народом, в котором выработалась практическая мудрость «не искать политической власти», не вмешиваться в общегосударственные дела, для которого все, что исходит от власти – «законно и хорошо». Таким образом, народолюбие для К.Н. Леонтьева совершенно не характерно, хотя он и явно идеализировал русского мужика, противопоставляя его русскому либералу.

В этой связи он в последние годы жизни активно занимается разработкой идеи монархического социализма, способного, по его мнению, эффективно противостоять либерализму в России. Ибо монархический социализм в отличие от западного социализма, способствующего лишь распространению все уничтожающего либерализма, содержит в себе элементы дисциплины и организации, а поэтому ведет государство не к разрушению, а созиданию. К.Н. Леонтьев много писал о том, что «Славянский Православный Царь» должен возглавить социалистическое движение и организовать (с помощью принуждения лиц общинам, а общин государству) «социалистическую форму жизни» вместо либерально-буржуазной. В этом случае социализм, писал он, «как законная организация труда и капитала... не повредит ни Церкви, ни семье, ни высшей цивилизации» [7, с. 506].

Его явно беспокоит то, что преодолевающие монархизм европейские буржуазные государства все более становятся похожими одно на другое. Подобные взгляды у него сформировались в процессе критики идеалов буржуазного равенства, парламентаризма, либерализма и т.д., ведущих к какому-то не способному к дальнейшему развитию среднему типу государства. В этой связи и в панславизме он усматривал лишь торжество «обыкновенного демократического принципа», который распространялся в Российском государстве, главным образом благодаря подражанию западноевропейским государствам. В отличие от славянофилов,

К.Н. Леонтьев не любил славянские народы за то, что они, так и не создав сильных монархических государств, не создали (или быстро утратили) свою самобытность, оригинальность и политическую независимость.

Сформировавшиеся в европейской эмиграции евразийцы (Н.С. Трубецкой, П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев, Г.В. Вернадский и некоторые др.), как и К.Н. Леонтьев, обнаруживали самодержавные начала российской государственности в объединении не только славянских, но славянских и азиатских (туранских) народов. А потому, с их точки зрения, Древнерусское государство не было жизнеспособно изначально. Не имеющая возможности укрепить и расширить свои границы, Киевская Русь не смогла создать мощное самодержавное государство. Следовательно, «господствовавший прежде в исторических учебниках взгляд, – высказывал общую для евразийцев точку зрения Н.С. Трубецкой, – по которому основа русского государства была заложена в так называемой «Киевской Руси», вряд ли может быть признан правильным» [11, с. 211]. Даже в свои лучшие времена Древнерусское государство, представляющее собой группу «мелких, более или менее самостоятельных княжеств», по площади составляло «менее двадцати процентов» территории самодержавной России, в которой родились и жили евразийские мыслители.

Именно поэтому они постоянно призывали к радикальному переосмыслению влияния монголо-татарского нашествия на формирование отечественной государственности. И при этом особо отмечали, что монголо-татары в течение более чем двух веков обеспечивали восточным славянам внешний мир, во время которого Русь смогла приступить к строительству основ собственного государства, «находясь под опекой ханов». Особенно их возмущали взгляды исследователей, рассматривающих «историю России эпохи татарского ига, забывая, что эта Россия была в то время провинцией большого государства» [11, с. 225]. Игнорировать факт ее принадлежности к монголо-татарской державе было, по Н.С. Трубецкому, так же нелепо, как описывать историю Рязанской губернии «вне общей истории России». Русь была органично интегрирована в общегосударственную финансовую систему, в сеть почтовых путей и путей сообщения, основанных на ямской повинности, и т.д. В значительной мере на Руси был воспринят и «самый дух монгольской государственности», что впоследствии, по многочисленным утверждениям евразийских мыслителей, способствовало превращению удельных княжеств Киевской Руси в мощное самодержавное государство.

Но заслуга в этом в первую очередь принадлежит, конечно, не монголо-татарам, а русским. Ведь «для всякой нации, – писал Н.С. Трубецкой, – иноземное иго есть не только несчастье, но и школа». И евразийцы постоянно подчеркивали, что русские были готовы учиться творчески, органически перерабатывая и усваивая заимствованное. Для этого было необходимо преодолеть неприемлемость хотя и великой, но чужой монголо-татарской государственности. «Выполняя это задание, – внушали мыслители, – русская национальная мысль обратилась к византийским государственным идеям и традициям». Именно в них она и нашла материал, необходимый для «обрусения государственности монгольской». Все это, с точки зрения евразийцев, вполне объясняет, почему Русь, знакомая с Византией задолго до монголо-татар, первоначально не испытывала сколько-нибудь значительного интереса к византийским монархическим идеям.

Они стали популярными лишь в «эпоху татарщины», когда «величие Византии уже померкло». Только тогда Русь стремится оправославить монголо-татарскую государственность, сделать ее своей. Евразийские мыслители постоянно подчеркивали, что первые обнаружения евразийского государственного единства следует искать не в Киевской, а в Московской Руси – восприемнице Золотой Орды. Неудивительно, что у них московские цари – продолжатели дела отнюдь не киевских князей, а монголо-татарских ханов. *«Монголы сформировали историческую задачу Евразии, положив начало ее политическому единству и основам ее политического строя, – заявили евразийцы. – Они ориентировали к этой задаче евразийские национальные государства, прежде всего и более всего – Московский улус»* [5. с. 261]. Именно он занимает место монголо-татарского государства.

Московская Русь, являясь после распада Золотой Орды одним из царств-наследников, в дальнейшем восстанавливает, воспроизводит ее. «В этом смысле значение Золотоордынской державы в русской истории не меньше значения империи Карла Великого в истории европейской» [8, с. 331], – утверждают евразийцы. По их мнению, активно работающее над воссозданием утраченного евразийского единства самодержавное Русское государство неизбежно должно было продолжить великую историческую миссию Чингисхана. И для них весьма показательно, что границы Евразии в целом совпадали с границами Российской империи начала XX века, что, по утверждениям евразийцев, свидетельствует об органичности, естественности и стабильности этих границ. «Таким образом, в исторической перспективе то современное государство, которое можно назвать и Россией, и СССР (дело не в названии), – заявляли евразийские мыслители, – есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом» [11, с. 213].

Евразийцы много писали о возвышении Московского княжества. «Государственное объединение России под властью Москвы, – по словам Н.С. Трубецкого, – было прямым следствием «татарского ига» [11, с. 228]. Именно в этот период Россия значительно окрепла. Пользуясь особым покровительством Золотой Орды, московские князья широко привлекали в своих интересах мощную военно-административную систему, созданную монголо-татарами. Однако, возглавив национально-освободительную борьбу, московские князья начали созидание централизованной власти, а следовательно, как полагали евразийские мыслители, и возрождение монголо-татарской государственности. «Настоящими государственными правителями они сделались лишь тогда, когда от «собирания русской земли» перешли к «собиранию земли татарской» – к покорению под свою центральную власть отдельных разрозненных и обособившихся частей северо-западного улуса монгольской империи (бывшего улуса Золотой Орды)» [11, с. 230], – писал Н.С. Трубецкой. Ибо пока московские князья «собирали» лишь русские земли, они были «сепаратистами», «провинциальными губернаторами», а не носителями самодержавной власти.

Вместе с тем их возмущало, что реформы Петра I, придавшие абсолютизму европейский лоск, нанесли русскому самодержавному принципу мощный идейный удар. После этого монархия, все более отчуждаясь от русского человека, вступает в свою завершающую эпоху. «Чем ближе к концу XIX века, тем яснее становится, что «русский наш орел двуглавый» может шуметь только «минувшей славой», – с сожалением констатировал Н.Н. Алексеев. – Мечты о «грядущей» славе разбиваются о внешние неудачи и промахи внутренней политики и растущее в государстве революционное брожение» [2, с. 287]. Падение самодержавия не спасли и революционные попытки его демократизации. Превращение монархии из абсолютистской в конституционную не придали ей сколько-нибудь большей привлекательности. Народ не только легко и просто расстался с ней в 1917 году, но и разрушил «все ее социальные и идейные предпосылки».

Выражая взгляды евразийцев, Н.Н. Алексеев высказывал сомнения в возможности восстановления претерпевшей «длительный процесс своего изживания» монархии. Поэтому «с точки зрения реальной обстановки, в которой живет современная Россия, всего менее можно считать возможным учреждение в ней абсолютной монархии, – писал он. – Независимо от того, хороша ли она или дурна как отвлеченная политическая форма, условия современной действительности решительно не способствуют реальным возможностям ее воплощения в жизненный институт» [2, с. 286].

Неудивительно, что евразийцы относились с большим одобрением к сформировавшейся в России советской власти. По их убеждениям, в дальнейшем эта структура может быть в полной мере реализована. Но только после того как решительно порвет с коммунизмом. В противном случае русский народ неизбежно придет к выводу, что «правда» советского государства превратилась в «кривду» коммунистической системы». Но тогда на какой же общественный строй следует ориентироваться? В этой связи, указывал Н.Н. Алексеев, «надлежит за точку отправления взять не западную демократию, и не самодержавие, и не про-

шлые тени дуалистической монархии; за точку отправления нужно взять современный русский государственный организм, тщательно его изучить, посмотреть, что в нем действительно никуда не годного и в чем чувствуется дыхание жизни» [2, с. 290]. Всякие же обращенные к русскому народу увещевания о необходимости отказаться от национальных основ отечественной государственности не только глубоко ошибочны, но и чрезвычайно опасны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков, К.С. Полн. собр. соч. Сочинения исторические / К.С. Аксаков. – М.: Тип. П. Бахметева, 1861. – Т.1. – 641 с.
2. Алексеев, Н.Н. Русский народ и государство / Н.Н. Алексеев. – М.: «Агриф», 1998. – 640 с.
3. Вайгачев, С.А. Послесловие / С.А. Вайгачев // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – С. 556-567.
4. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому / Н.Я. Данилевский. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. – 552 с.
5. Евразийство (опыт систематического изложения) // Мир России – Евразия: Антология. – М.: Высшая школа, 1995. – С. 233-290.
6. Керимов, В.И. Историософия А.С. Хомякова / В.И. Керимов. – М.: Знание, 1989. – 64 с.
7. Леонтьев, К.Н. Собрание сочинений / К.Н. Леонтьев. – М.: Издание В.И. Саблина, 1912. – Т.7. – 566 с.
8. Савицкий, П.К. Континент Евразия / П.К. Савицкий. – М.: Агриф, 1997. – 464 с.
9. Самарин, Ю.Ф. Сочинения. Окраины России / Ю.Ф. Самарин. – М.: Т-во А.И. Мамонтова и К, 1890. – Т. 8. – 649 с.
10. Самарин, Ю.Ф. Сочинения. Письма из Риги и История Риги / Ю.Ф. Самарин. – М.: Т-во А.И. Мамонтова и К, 1889. – Т.7. – 795 с.
11. Трубецкой, Н.С. История. Культура. Язык / Н.С.Трубецкой. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – 800 с.

© Пушкин С.Н., 2014